

Русский культурный код в полилоге культур российско-китайского и мексикано-американского пограничья¹

В работе определены элементы русского культурного кода в фольклорных и литературных произведениях российско-китайского и мексикано-американского пограничья. Объект исследования — тексты, объединенные топосом границы. Пограничье рассмотрено как место наиболее интенсивного взаимодействия культур. Внимание сфокусировано на проявлениях полилога культур в специфических локусах — Трёхречье, Северном Китае (правобережье пограничной реки Аргунь), Калифорнии и Нижней Калифорнии (мексикано-американская граница), исторически отмеченных «русским присутствием». Отмечено, что данные локусы характеризуются языковыми контактами русского языка с китайским и эвенкийским (Трёхречье, правый берег реки Аргунь); русского языка с английским и испанским (Калифорния и Нижняя Калифорния). Актуальность исследования обусловлена возрастающим академическим интересом к феномену культурного и языкового взаимодействия в зонах пограничья. На основе песенного фольклора русских Трёхречья и произведений современных авторов российско-китайского и мексикано-американского пограничья (Чи Цзыцзянь, Дж. Вальдес) выявлены знаковые единицы кода русской культуры: личные имена собственные (антропонимы), топонимы, экзотизмы. Вербальный культурный код способствует сохранению и трансляции культурной информации в ситуации тесного взаимодействия с инокультурой. Использованы сравнительно-исторический, структурно-семиотический и лингвокультурологический методы исследования. Установлено, что отдельные языковые единицы — онимы (антропонимы, топонимы) и экзотизмы — являются значимыми элементами русского культурного кода, который актуализируется в полилоге культур и свойствен локусам пограничья.

Ключевые слова: полилог культур, российско-китайское пограничье, мексикано-американское пограничье, культурный код, антропонимы, топонимы, экзотизмы.

The article deals with the elements of Russian cultural code in folklore and literary works of the Russian-Chinese and Mexican-American borderlands. The object of the study is the texts united by the topos of the border. The borderland is considered as the place of the most intense interaction of cultures. The authors focus on the features of the polylogue of cultures at specific loci: Trekhrechy, Northern China (right bank of the border river Argun); California and Baja California (Mexican-American border) — historically marked by the “Russian presence”. These loci are characterized by linguistic contacts of the Russian language with Chinese and Evenk (Trekhrechy, right bank of the Argun River); Russian with English and Spanish (California and Baja California). The relevance of the study connected with the growing academic interest in the phenomenon of cultural and linguistic interaction in the borderlands. The authors explore significant units of Russian cultural code: personal names (anthroponyms), toponyms, exoticisms based on Russian song folklore of the Trekhrechy and the literary works of contemporary authors of the Russian-Chinese and Mexican-American borderlands (Chi Zijian, G. Valdes). The verbal cultural code contributes to the preservation and transmission of cultural information in a situation of close interaction with a foreign culture. The work uses comparative-historical, structural-semiotic and linguocultural research methods. The study confirms that specific linguistic units, onyms (anthroponyms, toponyms) and exoticisms, are significant elements of the Russian cultural code, which is actualized in the polylogue of cultures in borderland loci.

Keywords: polylogue of cultures, Russian-Chinese borderland, Mexican-American borderland, cultural code, anthroponyms, toponyms, exoticisms.

Введение

Современный глобализующийся мир выдвигает на первый план определенные задачи в сфере изучения характера взаимодействия языков и культур, в том числе на фольклорно-литературном материале. В связи с этим актуальность приобретают исследования локального многообразия русской этнокультурной традиции в различных «уголках русского мира», которым на протяжении истории их развития свойственны активные культурные и языковые контакты. Феномен интенсификации контактов, как правило, наиболее часто наблюдается в пространстве трансграничья, месте встречи и взаимодействия различных культур. В работе внимание сосредоточено на прояв-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

лениях «русского присутствия» в полилоге культур на территориях таких пограничных регионов, как Трёхречье, Северный Китай (правобережье пограничной реки Аргунь), Калифорния и Нижняя Калифорния (мексикано-американская граница), через обращение к русскому культурному коду. Данные регионы отличаются активным языковым взаимодействием — русского с китайским и эвенкийским (Трёхречье, правый берег реки Аргунь), русского с английским и испанским (Калифорния и Нижняя Калифорния). В этом плане интерес вызывают способы актуализации русской этнокультурной самобытности в инокультурной среде.

Цель настоящей статьи — выявление элементов русского культурного кода в фольклорных и литературных текстах российско-китайского и мексикано-американского трансграничья. *Задачи* исследования — на материале песенного фольклора русских Трёхречья, а также произведений современных авторов российско-китайского и мексикано-американского трансграничья (Чи Цзыцзянь, Дж. Вальдес) выявить знаковые единицы русского культурного кода — личные имена собственные (антропонимы), топонимы и экзотизмы, ассоциирующиеся с носителями русской культуры, которые в силу исторических судеб живут и общаются с представителями иных культур. Под «культурным кодом» понимается «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [1], «способ сохранения и трансляции культурной памяти», «одна из основных единиц лингвокультурологической науки» [2. С. 167]. Методы исследования: сравнительно-исторический, структурно-семиотический, лингвокультурологический.

Русский культурный код в фольклорных и литературных текстах российско-китайского трансграничья

Полилог культур в пространстве трансграничья обусловлен интенсификацией языковых контактов кросс-культурного характера, в результате чего актуализируется вербальная репрезентация культурного кода. Уникальным примером в этом плане служит Трёхречье — «район Северной Маньчжурии, занимающий бассейн трех рек — правобережных притоков реки Аргунь: Ган, Дербул и Хаул с их притоками» [3]. Как отмечает В.Л. Кляус, автор ряда работ, посвященных фольклору и традиционной культуре «китайских русских», «трёхреченцы <...> с конца XIX века оказались включенными в орбиту “русского мира”» [4. С. 7]. В тот период появляются первые заимки забайкальских казаков, проживающих по российско-китайской границе, далее в 1918–1920-е гг. следует активная миграция в Трёхречье казаков и другого населения Приаргуны после окончания Гражданской войны и в первые годы советской власти в Забайкалье [Там же].

Закономерно, что в Трёхречье появляются русские географические названия — топонимы, представляющие собой «пласт лексики, в котором наиболее полно отражается менталитет и культура народа» [5. С. 425]. Однако в ходе исторических перемен XX в. в КНР, согласно исследованиям И.Ю. Зуенко, в результате «картографической чистки» со стороны китайских властей в 1960–1970-х гг. около 60 русскоязычных названий были заменены китаеязычными. Тем не менее, по справедливому замечанию Зуенко, «сам факт существования русскоязычной топонимии и анализ содержащихся в ней культурных кодов представляет собой важный элемент русского культурного наследия на территории Северо-Восточного Китая, позволяющий лучше понять специфическую историю освоения этого региона» [6. С. 62]: Караванная (переименован в Эньхэ²), Драгоценка (переименован в Саньхэ³), Верх-Кули (переименован в Шанкули⁴) и др.

² Эньхэ (название из монгольского языка) — село, центр Эньхэ-Русской национальной волости городского района Аргунь [6].

³ Саньхэ («Трёхречье») — село, центр Саньхэ-Хуэйской национальной волости городского района Аргунь [Там же].

⁴ Шанкули (дословный перевод «Верхние Кули») — поселок в городском районе Аргунь [Там же].

Современный период (до пандемии) отмечен активизацией российско-китайских академических связей, прежде всего между вузами, расположенными в приграничных регионах: Забайкальским госуниверситетом (г. Чита, Россия), Хулунбуирским институтом (г. Хайлар, КНР) и др. Симптоматично, что в рамках I Международной конференции «Русский язык в современном Китае» (г. Хайлар, КНР, 2009) была организована поездка в Трёхречье, в которой принимала участие одна из авторов настоящей статьи Т.В. Воронченко.

Исследованию этнокультурных стратегий сохранения русской идентичности в китайской среде на материале фольклора Трёхречья посвящены работы коллектива Амурского государственного университета (А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зинченко, Чжан Жуян). Ученые пришли к выводу о том, что русскоязычный фольклор выполняет задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти и представлений, свойственных русской культуре:

В обыденной жизни русские трёхреченцы общаются, как правило, по-китайски. В праздничные дни или во время встреч их обращение к фольклору — это погружение в стихию материнского языка, возможность вспомнить забытые слова и песни, подчеркнуть свою уникальность среди китайского большинства [7].

Особый интерес представляет собранный коллегами из Амурского госуниверситета в 2015–2016 гг. песенный фольклор, в котором выделен ряд знаковых языковых единиц русского культурного кода. Так, в одном из вариантов народной песни об Одессе незнакомый для «китайских русских» топоним заменяется на Сиратуй [8. С. 76] — название поселка, в котором проживают русские (позже переименован в п. Хэйшаньтоу [9. С. 251]). Песни, частушки и припевки трёхреченцев насыщены русскими антропонимами: Иван, Егор, Бубриха, Бубров [10. С. 113, 118]; лексемами, символизирующими русскую культуру: «балалаечка», «праздничек Покров» [Там же. С. 117–118].

В полилоге культур российско-китайского пограничья большую роль играют эвенки (тунгусы) — малочисленный народ, проживающий по обе стороны границы Россия — Китай. Как указывает В.Л. Кляус, единственным автором в СССР, писавшим о Трёхречье, был писатель, переводчик и исследователь А.М. Кайгородов (1927–1988): «Трёхреченец по рождению, он, опираясь на свои воспоминания, охарактеризовал различные аспекты жизни как русского населения, так и эвенков, имевших тесные связи с русскими» [4. С. 13]. Эвенки, по сведениям Кайгородова, кочевали в бассейнах рек Быстрая, Апа, Маректа Трёхречья [11. С. 123].

Следует отметить, что большая часть эвенков Китая проживает в округе Хулунбуир — автономном районе Внутренняя Монголия, который граничит с Забайкальским краем. Исторически сложившаяся ситуация в пространстве трансграничья способствует интенсификации полилога русской, эвенкийской и китайской культур. Это находит отражение в современной «литературе родных краев» КНР.

Обратимся к тексту романа китайской писательницы Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» (额尔古纳河右岸, 2006), получившей мировую известность (роман переведен на восемь языков мира, включая английский, норвежский, японский). Чи Цзыцзянь описывает кочевую жизнь «правобережных» эвенков и русских, пришедших с «левых берегов» Аргуни. Показывая русско-эвенкийский диалог на китайской земле, писательница вводит в повествование несколько персонажей русского происхождения, отражая сходство и различие между картинами мира двух народов, проживающих по обе стороны Аргуни. Знаменательно, что в романе многие эвенкийские персонажи носят традиционные для русского мира христианские имена: Татьяна, Тамара, Виктор, Иван, Максим, Мария, Лена. Ощущение связи китайских эвенков с «левобережным» русским миром не покидает читателя. С позиций социолингвистики антропонимы отражают «обусловленность фактов языка фактами социально-исторического и культурного характера» [12. С. 25]: 西班 [Xībān] Сибань (возможно, Степан), 玛克辛姆 [Mǎ kè xīn mǔ] Максим, 柳莎 [Liǔshā] Люша (возможно, Лёша или Илюша), 达吉亚娜 [Dájíyànà] Татьяна, 达玛拉 [Dámālā] Тамара, 列娜 [Liè'nà] Лена, 罗林斯基 [Luòlín'skij] Ролинский (фамилия), 伊万 [Yīwàn] Иван, 玛利亚 [Mǎliya] Мария,

娜杰什卡 [Nàjiéshénkǎ] Надюшенька. Русские антропонимы в тексте романа являются прямыми фонетическими заимствованиями (транскрипцией) и выступают в качестве лингвоэтнической реалии, языковых единиц культурного кода, содержащих ярко выраженный национально-культурный компонент.

Топонимы, в которых, наряду с антропонимами, «кодируются наиболее социально значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации» [13. С. 11], в романе Чи Цзыцзянь не только выполняют функцию территориального фиксирования географических объектов, но и отсылают к историко-культурным реалиям, связанным с историей пребывания русских на этой земле: 额尔古纳河 [É'ěrgǔ'nà hé] река Аргунь, 贝加尔湖 [Bèijiā'ěr hú] озеро Байкал, 乌伦罗夫 [Wū qí luō fū] Учиров (старое название местности, в настоящее время называется 奇乾 [Qíqián] Цицян), 激流乡 [Jīliú xiāng] деревня Цзилю (на берегу реки Цзилю, правый приток реки Аргунь), 布苏 [Bùsū] поселок Бусу.

В число языковых единиц, являющихся значимыми элементами культурного кода, входят экзотизмы — слова иноязычного происхождения, обозначающие элементы действительности, свойственные «чужой» культуре, передающие местный колорит, национальные особенности [14. С. 138]: 鄂温克族 [15. Р. 1] [èwēnkè zú] «эвенки» (фонетико-семантическое заимствование); 希楞柱 [Ibid. Р. 2] [xīlěngzhù] «чум» (фонетико-семантическое заимствование) и др. Слова-экзотизмы «береста», «священный бубен», «хлебная лепешка», которые встречаются в тексте романа Чи Цзыцзянь, требуют дополнительного комментария. Экзотизмы «береста» (桦树皮 huàshùpí), «берестяная корзина» (桦皮篓 huàpí lǒu) [15. Р. 7] и «священный бубен» (神鼓) употребляются в романе в следующем контексте. Русская героиня Татьяна объявляет голосование по вопросу строительства деревни у подножия горы и раздает куски бересты. Тот, кто согласен, должен положить кусок бересты на священный бубен: «神鼓很快就被桦树皮覆盖了, 好像老天对着它下了场鹅毛大雪» [Ibid. Р. 2] (*Священный бубен вскоре был покрыт берестой, словно Бог осыпал его снегом из гусиных перьев*⁵). Еще один экзотизм, символизирующий русскую культуру — это фонетико-семантическое заимствование «хлебная лепешка»: 格列巴 gélìebā (фонетическое заимствование, транскрипция) + 饼 bǐng лепешка (родовое слово). Приведенные примеры безэквивалентной лексики подтверждают, что экзотизмы являются одним из наиболее ярких средств выражения национального своеобразия и выступают в качестве устойчивых знаков русского культурного кода в контексте русско-эвенкийско-китайского полилога культур.

Возрастающий интерес российской аудитории к роману «Правый берег реки Аргунь» (работы Н.Г. Аюшеевой, Е.Э. Войтишек, Д.С. Бочкаревой, Т.В. Воронченко), который, к сожалению, еще не переведен на русский язык, является маркером развития процесса межкультурного взаимодействия в трансграничном пространстве Россия — Китай и ставит академическое сообщество перед необходимостью активизации изучения новейших произведений писателей КНР [16].

«Русское присутствие» в пространстве Калифорнии

«Русским присутствием» и наличием полилога культур отмечен и другой пограничный локус, а именно США — Мексика, в частности территория пограничных штатов Калифорния (США) и Нижняя Калифорния (Мексика). Региональная топонимия являет собой примеры географических названий с русской этимологией. Гора рядом с национальным парком-музеем Форт Росс именуется необычно — Шаста (Shasta), предположительно от русского «счастливая». В парке встречаются и другие русские наименования наряду с испанскими и английскими. Существование Форта Росс (1812–1841) является не только незабываемой страницей русской истории, когда на дальней полоске земли, недолго принадлежавшей России, оставили свой след наши

⁵ Перевод с китайского языка С. Корвиной.

славные соотечественники, такие как сибирский миссионер Святитель Иннокентий (Вениамин), апостол Сибири и Америки, и Н. Завалишин, морской офицер-декабрист [17]. Это и исторически запечатленный феномен вхождения русской лексики в англо-испанскую, формирования вербального культурного кода, способствующего сохранению и трансляции элементов русской культуры. На специфику безэквивалентной лексики русского происхождения обращает внимание В.П. Петров в книге «Русские в истории Америки»:

Покинув Форт Росс, русские оставили там не только сады и строения, но и семена русской культуры и традиций, которые, произрастая, стали передаваться из поколения в поколение до сегодняшнего дня [18. С. 50].

Интересно, что в языке индейцев с прилежащих к Форту Росс территорий обнаруживаются русские экзотизмы, как в неизменном виде *пшеница*, *хмель*, так и в измененном на испанский манер *чайо*, *водки*, *паскудо* и др. [Там же].

Одним из удаленных «уголков русского мира» является поселение русских в Энсенада (штат Нижняя Калифорния, Мексика). Доктор политических наук, руководитель НИЦ Института Латинской Америки РАН А.Н. Боровков в статье «Россия — Мексика: исторические параллели в отношениях двух стран» (2020) особо выделяет период конца XIX — начала XX в. как время, тяжелое для обеих стран. Именно тогда, в 1905 г., президент Порфирио Диас призвал прибывших в Америку русских староверов-молокан (104 семьи) к освоению плодородных земель Северной Мексики (Нижняя Калифорния). Боровков отмечает: «До сих пор в долине реки Гвадалупе (муниципалитет Энсенада), недалеко от приграничного с США города Тихуана (штат Нижняя Калифорния), живут их потомки, уже существенно ассимилированные, но все же частично сохраняющие русский язык» [19. С. 56]. Здесь можно провести определенные параллели с языковой ситуацией в Трёхречье, где русский язык чаще всего используется людьми старших поколений, а также во время традиционных праздников. В.И. Морозов в книге «Русские в Мексике» (М., 2009) справедливо утверждает, что поселение русских в Энсенада оставило «наиболее заметный след русской эмиграции» в Мексике [20. С. 27]. (Во время стажировки по программе научного обмена Фулбрайт в Университете Калифорнии (Сан-Диего, 1998) Т.В. Воронченко имела возможность побывать в Энсенада.)

<...> Ближе-ближе редкая улада
Под названием дивным *Эн-се-нада*,
Поселение русских в Энсенада —
Два часа езды на юг от Штатов.

Там Самарины, Петровы, Ивановы
Незнакомцев понимают с полуслова,
То ацтекский, то вполне «рязанский»
взгляд,
А детишки по-испански говорят.

Мчится джип по краешку равнин,
Ветер Мексики, в крови адреналин <...>
(Т. Воронченко «Встречи»)

Фамилии Иванов, Петров, Самарин зафиксированы в книге архивных записей русских семей, прибывших в Энсенада в 1905–1906 гг., дома-музея русских поселенцев.

Для русских в Энсенада характерны смешанные семьи. К примеру, в семье Самариных во внешнем облике детей причудливым образом проявляется игра генов.

Процесс развития и обогащения языковой картины мира, свойственной пространству трансграничья США — Мексика, находит отражение в художественной литературе, в частно-

Дома поселенцев в Энсенада, долина Гвадалупе, штат Нижняя Калифорния (Мексика)

Смуглая, черноволосая Таня Самарина выглядит как девочка из индейского пуэбло, а у светло-русой голубоглазой малышки — сложное ацтекское имя

Пабло Самарин у стендов с архивными документами в доме-музее русских поселенцев. В облике мальчика угадываются славянские черты

сти в произведениях мексикано-американской писательницы Джины Вальдес, детские годы которой прошли в Энсенлада. Именно там Вальдес соприкоснулась с миром русской культуры, благодаря чему в ее романе “There are no madmen here” (1981) («Безумцев здесь нет») ощутимо «русское присутствие». По сюжету романа главная героиня, мексикано-американка Мария, живущая в США, возвращается с кратким визитом на север Мексики в русское поселение, которое в тексте обозначено как “The Village” (деревня). Знаковой единицей русского культурного кода в данном эпизоде выступает антропоним “Gurov” (Гуров), придающий образу героя, русского старожила Гурова, национальный колорит. Экзотизмы *vodka* (водка), *balalaikas* (балалайки), *rye* (рожь) [21. Р. 474] в речи Гурова одновременно транслируют информацию об определенных чертах русской культуры и вызывают стойкие ассоциации со стереотипами о русских. Особенно ярко это проявляется в эпизоде, когда Гуров с юмором противопоставляет себя мексиканцам: *Maybe I should eat corn instead of rye and drink tequila instead of vodka?* [Ibid. Р. 475] (*Может, мне стоит есть кукурузу вместо ржи и пить текилу вместо водки?*) (неизбежно возникает параллель с бытованием экзотизмов *чайо*, *водки* в обиходе индейцев Форта Росс). Антропонимы и экзотизмы, имеющие русское происхождение, выступают элементами русского культурного кода, который актуализируется в романе. Вместе с тем русский текст в тексте Вальдес по сравнению с романом Чи Цзыцзянь отчасти воссоздается на основе стереотипных представлений, что, возможно, вызвано географической удаленностью американского континента от России.

Заключение

Выявление элементов русского культурного кода в фольклорных и литературных текстах российско-китайского и мексикано-американского пограничья и анализ их функциональности позволяют говорить о том, что отдельные языковые единицы имеют более насыщенное национально-культурное содержание. В особенности интенсивно культурный код проявляется в топонимии, антропонимии и лексическом пласте экзотизмов, которые имеют ярко выраженный культуроносный потенциал. Являясь носителями определенных значений, детерминированных русским культурным кодом, антропонимы, топонимы и экзотизмы способствуют сохранению

и трансляции культурной памяти людей, принадлежащих «русскому миру». Выделенные языковые единицы, функционируя в иноязычном окружении, служат вербализации русского культурного кода в полилоге культур, собственном пространстве трансграничья.

Литература

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече: АСТ, 2003. 511 с. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-6.htm#zag-629>.
2. Пашкова Н.И. Культурный код — символический язык культуры // Язык и культура. 2012. № 3. С. 167–171.
3. Перминов В.В. Трёхречье. Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5309>.
4. Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
6. Зуенко И.Ю. Опыт реконструкции русскоязычной топонимии на территории Китая (в провинции Хэйлунцзян и автономном районе Внутренняя Монголия) // Любимый Харбин — город дружбы России и Китая: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Харбин: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2019. С. 59–67.
7. Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 160–172.
8. Чжан Жуан. Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2019.
9. Кляус В.Л. Китайско-русские метисы Трёхречья (КНР): идентичность во времени и пространстве // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 246–288.
10. Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуан. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 109–125.
11. Кайгородов А.М. Эвенки в Трёхречье (по личным наблюдениям) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 123.
12. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН; Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
13. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 328 с.
14. Маринова Е.В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 138–142.
15. 迟子建. 额尔古纳河右. 北京: 十月文艺出版社, 2006 年. 271 页 [Chi Zijian. Pravyy bereg reki Argun'. Beijing: Shiiue ven'i chuban'she, 2006. 271 s.].
16. Voronchenko T., Korovina S. Literary education: Christian values and Confucian concepts in upbringing of

References

1. Kononenko B.I. Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii. Moscow: Veche: AST, 2003. 511 s. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-6.htm#zag-629>.
2. Pashkova N.I. Kul'turnyi kod — simbolicheskii iazyk kul'tury // Iazyk i kul'tura. 2012. No. 3. S. 167–171.
3. Perminov V.V. Trekhreche. Entsiklopediia Zabaikal'ia. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5309>.
4. Kliaus V.L. "Russkoe Trekhreche" Manchurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury. Moscow: IMLI RAN, 2015. 384 s.
5. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh tak-tik i sapientemy. Moscow: Indrik, 2005. 1040 s.
6. Zuenko I.Yu. Opyt rekonstruktsii russkoiazychnoi toponimiki na territorii Kitaia (v provintsii Kheiluntszian i avtonomnom raione vnutrenniaia Mongoliia) // Liubimy Harbin — gorod druzhby Russia i China: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Harbin: Vladivostokskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i servisa, 2019. S. 59–67.
7. Zabiako A.A., Zabiako A.P. Russkie Trekhrechia: fol'klor kak osnova sokhraneniia identichnosti v kitaiskoi srede // Problemy Dal'nego Vostoka. 2016. No. 2. S. 160–172.
8. Chzhan Zhuian. Fol'klor russkikh Trekhrechia kak osnova etnicheskoi identichnosti (po materialam polevykh issledovaniy 2015–2019 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Blagoveshchensk, 2019.
9. Kliaus V.L. Kitaiko-russkie metisy Trekhrechia (KNR): identichnost' vo vremeni i prostranstve // Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost' / pod. red. V.A. Tishkova, E.A. Pivnevoi. Moscow: RAN, 2018. S. 246–288.
10. Zabiako A.A., Zabiako A.P., Zinenko Ia.V., Chzhan Zhuian. Fol'klor russkoiazychnoi diaspori Trekhrechia kak osnova sokhraneniia etnichnosti // Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. 2016. Vol. 17. S. 109–125.
11. Kaigorodov A.M. Evenki v Trekhreche (po lichnym nabludeniiam) // Sovetskaia etnografiia. 1970. No. 4. S. 123.
12. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. Moscow: Institut iazyko-znaniia RAN; Rossiiskaia akademiia lingvisticheskikh nauk, 2006. 312 s.
13. Berezovich E.L. Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», 2009. 328 s.
14. Marinova E.V. Ekzoticheskaya leksika kak lingvisticheskii fenomen // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seria: Filologiya. 2003. No. 1. S. 138–142.
15. 迟子建. 额尔古纳河右. 北京: 十月文艺出版社, 2006 年. 271 页 [Chi Zijian. Pravyy bereg reki Argun'. Beijing: Shiiue ven'i chuban'she, 2006. 271 s.].
16. Voronchenko T., Korovina S. Literary education: Christian values and Confucian concepts in upbringing of students // New Trends and Issues Proceedings on

students // New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 379–386.

17. *Воронченко Т.В., Чугунова С.И.* Заимствования в русском языке как средство обогащения языковой картины мира: материалы XII Конгресса МАПРЯЛ. Шанхай, 2011. С. 182–184.

18. *Петров В.П.* Русские в истории Америки. М.: Наука, 1991. 176 с.

19. *Боровков А.Н.* Россия — Мексика: исторические параллели в отношениях двух стран: К 130-летию дипломатических отношений // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 52–66.

20. *Морозов В.И.* Русские в Мексике. М.: Фортуна ЭЛ, 2009. 272 с.

21. *Valdes G.* There are no madmen here // Literature Chicana, 1965–1995. An Anthology in Spanish, English, and Calo. New York; London: Garland Publishing, 1997. P. 409–487.

Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 379–386.

17. *Voronchenko T.V., Chugunova S.I.* Zaimstvovaniia v russkom iazyke kak sredstvo obogashcheniia iazykovoi kartiny mira: materialy XII Kongressa MAPRIA. Shanghai, 2011. S. 82–184.

18. *Petrov V.P.* Russkie v istorii Ameriki. Moscow: Nauka, 1991. 176 s.

19. *Borovkov A.N.* Russia — Mexico: istoricheskie paralleli v otnosheniakh dvukh stran: K 130-letiiu diplomaticheskikh otnoshenii // Latinskaia Amerika. 2020. No. 11. S. 52–66.

20. *Morozov V.I.* Russkie v Meksike. Moscow: Fortuna EL, 2009. 272 s.

21. *Valdes G.* There are no madmen here // Literature Chicana, 1965–1995. An Anthology in Spanish, English, and Calo. New York; London: Garland Publishing, 1997. P. 409–487.

Воронченко Татьяна Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры литературы
Забайкальский государственный
университет

Voronchenko Tatiana V.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Literature Department
Transbaikalian State University

e-mail: tavoronch@mail.ru

Коровина Светлана Геннадьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы
народов

Korovina Svetlana G.,
Candidate of Philology, Associate
Professor,
Associate Professor of the Foreign
Languages Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: svetlanakorovina@list.ru

Федорова Екатерина Владимировна,
старший преподаватель кафедры европейских языков
и лингводидактики
Забайкальский государственный университет

Fyodorova Ekaterina V.,
Senior Lecturer of the European Languages
and
Linguodidactics Department
Transbaikalian State University

e-mail: katyaz@bk.ru

